

Хью КЭННИНГ,
“Таймс”, Лондон.

Валерий Гергиев нужен всем позарез, во всем мире он идет нарасхват. “Отловить” Валерия Гергиева – задача не из легких. Последний раз, когда я попытался взять у него интервью – это было три или четыре года назад на Эдинбургском фестивале, – мы условились встретиться за завтраком в отеле “Каледония” в 9.30 утра. Прождав с полчаса, звоню ему в номер и слышу грубоватый голос: чувствуется, человек еще не вполне проснулся. Он извинился, щедро, от души, но встреча в тот раз не состоялась, и в итоге моим собеседником стал Марисе Янсонс, в Эдинбурге он дирижировал оркестром Санкт-Петербургской филармонии. “Валерий дожидается сердечного приступа, если и впредь будет работать так на износ, как работает сейчас”, – сказал мне он.

Страсть Гергиева к работе (он настоящий трудоголик) – истинная притча во языцех. Взять хотя бы его так называемый дневной график работы в “Мариинке”, театре, который за рубежом традиционно называют Кировским оперным театром. Этот “дневной” график захватывает и вечера, вторгается и в часы ночные. И чего только не умещается в этом графике – и принятие реше-

ний по составу исполнителей, и разработка программ выступлений, и их расписание, и бесконечные телефонные переговоры, и связь по факсу и электронной почте.

Но ведь Гергиев – не только “Рыцарь Кирова”, как его часто именуют, в частности за рубежом. Он один из самых главных приглашаемых из других стран дирижеров в нью-йоркской “Метрополитен-опера” – а ведь на это как минимум уходит до двух месяцев в году. Гергиев – главный приглашаемый дирижер в Роттердаме, в тамошней Филармонической опере, его не перестают приглашать в качестве гостевого дирижера ведущие оркестры Европы и Америки. И плюс к перечисленному он – художественный директор-руководитель нескольких фестивалей: Фестиваль белых ночей в его родном городе, такой же фестиваль на противоположном берегу Балтики, в Финляндии, третий – в Израиле. А недавно сообщил о ежегодном выступлении с Лондонским филармоническим оркестром.

Когда я наконец “поймал” его недавно в Нью-Йорке, неизбежным с моей стороны стал вопрос: как ему удается выдерживать столь поистине сумасшедший темп выступлений в его карьере дирижера?

“Ну как вам сказать, – звучит ответ. – Мне нравятся четыре-пять

“Рыцарь Кирова”

За рубежом. – 1999. – 8–14 июля (№ 26). – С. 13

американских оркестров, но дирижирую я там лишь одним, ну еще, может быть, частично еще одним. Мне по душе четыре-пять оперных компаний, но сил и времени хватает лишь на две с половиной, я имею в виду, естественно, Кировский, “Мет” (“Метрополитен-опера”) и от случая к случаю в “Ла Скала”.

Даже на сей раз выкроить у Гергиева хотя бы час на беседу – проблема. Поначалу он дал согласие встретиться в свободный день в антрактах “Пиковой дамы”, где он дирижировал в “Мет” с Пласидо Доминго в роли помешавшегося на трех картах Германа. Кстати, сама концепция свободного дня для Гергиева, в общем, не более чем пустой звук. Сначала он втиснул меня в среду заполненной встречами первой половины субботы, оставив себе – со мной – лишь 15 минут, до того как поднимется занавес. Гергиев, когда мы с ним наспех о чем-то говорим, все еще в своем будничном одеянии и с бородой, придающей ему облик хорошо сохранившегося Распутина. Но на дирижерском “мостике” он уже в полном параде – во фраке и с белым галстуком.

И, что типично для него, и где бы это ни происходило, с кем бы он ни выступал, в данном случае с “Мет”, мысли его всегда и прежде всего о том, как там “Киров-опера”, как ее здоровье. Не считая Доминго и сопрано Элизабет Зодерстром, большинство исполнительниц и исполнителей в “Пиковой даме” на сцене “Мет” – птенцы его гнезда, его протеже из Кировского театра: Галина Горчакова, Ольга Бородина, Николай Путилин и Дмитрий Хворостовский.

– Я делаю с ними со всеми шесть-семь серьезных программ ежегодно, – продолжает Гергиев. – Это и записи, и новые постановки на Фестивале белых ночей. Они живут в Петербурге, и все поют в “Пиковой даме” на Фестивале белых ночей в нынешнем году.

О Гергиеве сложилась репутация маэстро строгих правил, жесткой дисциплины, но своих исполнителей он, бесспорно, любит, заботится о них. Особое расположение, правда, выказывает Доминго (после упоминавшегося выше субботнего выступления в “Мет” они оба вылетели в Вашингтон, где Доминго – художественный директор местной оперы, для участия в благотворительном концерте). Гергиев в восторге от Доминго в партии Германа.

– Некоторые не верили, что у него это выйдет, – рассказывает Гергиев. – Просто уму непостижимо, как этот певец, столь знаменитый, сделавший уже так много, с интересом и увлечением берется за совершенно для него новое дело, хотя все это столь рискованно. Но именно поэтому-то и можно сказать, как он велик.

Полный благодарности Доминго становится одним из немногих западных звезд, выступивших в партии Отелло в Мариинском театре. И там же, специально для Гергиева, он продолжает петь Германа.

Когда у Гергиева выдаются “окна” и он не занят со звездами международного класса в “Метрополитен-опера”, он отправляется с театром Кирова в поездки по всему свету: Нью-Йорк, Токио, Пекин, Шанхай, на Эдинбургский фестиваль. Но маэстро с негодованием отвергает предположение, что все это лишь ради столь необходимых долларов, ибо Гергиев видит в труппе своего рода “странствующее посольство”, знакомящее мир с шедеврами русской национальной культуры. Самое изумительное в этом наитруднейшем деле то, что им удается демонстрировать музыкальный уровень высшего класса в рамках до предела сжатого, изнурительного графика.

– Мы в состоянии добиваться этого, – утверждает Гергиев, – ведь у нас почти двести музыкантов. Ор-

кестры “Ковент-Гарден” и “Ла Скала” великолепны, как и Венский, однако у них нет столь многочисленного состава исполнителей. Но покидая на время Россию, мы кое-что оставляем и дома – Кировский балет. И даже когда я занят в Нью-Йорке в течение двух месяцев, дома остается громадный резерв талантов. И они готовят примерно шесть-семь новых постановок оперы и балета.

Одна из самых радикальных, смелых новаций главного дирижера Кировского театра – ввести в практику исполнение на родном языке автора той или иной вещи – нелегка для публики, привыкшей слушать “Аиду” или “Кармен” лишь на своем родном языке. И еще – Гергиев возвращает в репертуар Мариинского театра Рихарда Вагнера. Он уже дирижировал “Летучим голландцем” и “Парсифалем”, готова новая постановка “Лоэнгрин”, а в планах у него – первая постановка “Кольца Нибелунгов” в России за последние сто лет. В этих своих работах Гергиев усматривает почти миссионерское предназначение.

– Когда мы впервые поставили в Кировском “Парсифаль”, мы закончили исполнение уже далеко после полуночи, – вспоминает дирижер. – Метро уже не работало, но люди остались в зале до самого конца. Им так хотелось увидеть и услышать – от начала до конца – все действие.

Имея впереди столь внушительный перечень международных выступлений, нет ничего удивительного, что Гергиев пока не планирует дирижировать в лондонской “Королевской опере” после своего сенсационного дебюта в “Лоэнгрине” три года назад. Но Кировская опера будет в “Ковент-Гардене”. А впереди новые вехи, уже в новом тысячелетии. В 2001 году Гергиев намерен дирижировать в “Отелло”, а в 2003 году – в “Тристане и Изольде”. Конечно, если сердце не подкачает.